

В.А. Нехамкин

МЕТОДЫ КОНТРАФАКТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОШЛОГО В СИСТЕМЕ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: пути совершенствования

Контрфактические исторические исследования прошли длительную эволюцию, насчитывающую не одну сотню лет¹. Они проводятся как в научном познании (исторической науке, философии истории, политологии, экономике), так и за его пределами (в художественной литературе). Данные исследования представлены рядом направлений: «альтернативной историей», «виртуальной историей», «экспериментальной историей», «криптоисторией», «ретроальтернативистикой», «ретропрогностикой» и т.д. Их главная цель — дать адекватный современному уровню развития научного познания ответ на вопрос: «В состоянии ли человеческая мысль добраться до истины, если факты отодвигаются на второй план, а на передний выдвигаются несостоявшиеся альтернативы, когда вся система рассуждений покоится на предположениях “вот если бы..., тогда бы”»²?

Учитывая разнообразие направлений, кратко остановлюсь на собственном понимании сущности контрфактических исторических исследований. Они сводятся к следующим познавательным операциям:

- 1) выдвижение гипотез об объекте (Альтернативная история);
- 2) раскрытие их содержания (Виртуальная история);
- 3) проверка полученного результата (Экспериментальная история).

Здесь изучаются те же объекты, что и в традиционном историческом познании — личности и события. Они образуют особые уровни познания: персоналистский и событийный³. На каждом из уровней выдвигаются специфические предположения в форме «знаменитых» вопросов: что было бы, если? Так, А. Шлезингера-мл. интересовало: что произошло бы, «если бы в 1931 г. Черчилль погиб под колесами автомобиля, а Рузвельта

поразила бы пуля убийцы. И каким бы стал XX век, если, допустим, Ленин умер бы в Сибири в 1895 г., а Гитлер погиб бы на Западном фронте в 1916-м?»⁴. А. Тойнби — что могло случиться, если бы Александр Македонский прожил дольше отпущенных ему судьбой 34 лет?

Не менее разнообразны и альтернативные предположения относительно исторических событий. Даже в отношении одного из них можно выдвинуть ряд контрфактических гипотез. А. Хорн ставит вопросы, касающиеся поведения Франции и ее противников в ходе войны 1805 г.:

«Что, если бы ... русская армия успела соединиться с австрийским генералом Маком до разгрома последнего при Ульме?»

Что, если бы Россия вступила в войну раньше и русские полки атаковали растянутые фланги Наполеона...?

Что, если бы под Аустерлицем русский генерал Кутузов не принял решающего сражения, а применил тактику, принесшую ему успех в 1812 г.?

...Обдумывая все это, я прихожу к выводу, что у истории не раз возникал шанс пойти другим путем»⁵.

По моему мнению, существуют особые методы выдвижения альтернативных гипотез на каждом из уровней контрфактических исторических исследований. Их перечень на персоналистском уровне следующий: а) продление бытия реально существовавшей личности в прежнем социальном качестве; б) пространственно-временное перемещение личности; в) приписывание «старой» личности каких-либо иных, ирреальных действий; г) удаление (физическое) реально существовавшей исторической личности.

На событийном уровне — другой: а) удаление события; б) изменение составляющих событие элементов (субсобытий); в) изменение итога (исхода) реального события; г) продление существования события во времени; д) перенос срока реализации события во времени; е) введение в исторический процесс нового события⁶.

Однако только гипотез для полной оценки альтернатив прошлого недостаточно. Сами по себе они остаются набором предположений, который уязвим для критики. По справедливому замечанию Т. Шидера, «показ альтернатив фактического хода истории

относится к его фактичности только при наличии исторических доказательств. Если доказательств нет, то альтернативы эти имеют лишь спекулятивную ценность»⁷. Необходимы сценарии, т.е. описания содержания данной гипотезы. Они активно создаются в России и за ее пределами в форме антологий. У нас следует отметить в данном отношении работы В. Поликарпова «Если бы... Исторические гипотезы» (1996); В. Лещенко «Ветвящееся время. История, которой не было» (2003), где реконструируются альтернативные сценарии, посвященные истории различных эпох, стран от древности до наших дней. На Западе ряд антологий обращен ко Второй мировой войне (1939–1945 гг.). Укажем лишь на коллективные антологии западных ученых, переведенные на русский язык в последнее время: «Упущенные возможности Гитлера» (2001); «Победа Восходящего Солнца» (2004); «Победы Третьего Рейха: альтернативная история Второй мировой войны» (2005); «Пламя «холодной войны». Победы, которых не было» (2004). Известный экономист Д. Норт являлся редактором антологии «Наполеоновские войны. Что если?» (2002).

Однако сценарий — не только эмпирический, но и теоретический объект. Соответственно, сценарий состоит из ряда элементов, находящихся в иерархическом отношении друг к другу, т.е. имеет структуру. По моему мнению, он включает: а) *цель* (исходный тезис); б) *параметры* — базовые основания, на которых строится сценарий; в) *условия*, раскрывающие конкретные формы реализации параметров; г) собственно *описание* (картина) потенциального прошлого; д) *вывод* из сценария, подтверждающий (или опровергающий) исходный тезис⁸.

Существуют и средства проверки сценариев. Одни направлены на обоснование их истинности: 1) поиск аналогии между сценарием и действительностью; 2) выдвижение аргументов, доказывающих истинность сценария. Другие — ложности: 1) доказательство, что при создании сценария не учтен какой-либо параметр; 2) построение нового, альтернативного исходному, сценария⁹.

Таким образом, в идеале контрфактические исторические исследования представляют единый познавательный процесс, включающий: выдвижение предположений, раскрытие (описание) их содержания в сценариях, проверку сценариев.

Рассмотрим с данных методологических позиций контрфактические историко-экономические исследования. Здесь с 60-х гг. XX в. существует «клиометрия». Она, по верному наблюдению Д. Тоша, «исходит из тезиса, что некоторые области человеческой деятельности можно лучше всего понять как систему, в которой и сами переменные, и связи между ними поддаются количественному анализу; если величина одной из переменных меняется, можно вычислить, какое воздействие это оказывает на систему в целом»¹⁰. Изменение отдельных параметров и анализ влияния этого на целое — крайне важно для понимания динамики развития экономических систем. Как правило, ученые пользуются средствами познания, которые позволяют «оценить экономический эффект конкретной политики или нововведения, просчитав, что случилось бы, если бы политика не была проведена в жизнь, а нововведение оказалось непродуктивным»¹¹. Следовательно, для формулировки базовых гипотез применяются преимущественно два метода контрфактического анализа: 1) удаление события (фактора); 2) изменение итога (исхода) реального события.

Сложнее обстоит дело со сценариями. В контрфактических историко-экономических исследованиях они принимают характер моделей, обосновываемых на базе математического аппарата, статистических выкладок и т.д. Модели целесообразно разделить на две группы. Первая — факторные сценарии. Ученым мысленно изменяется некоторое событие, ему придается статус важного параметра в какой-либо системе, дается количественная оценка такому изменению. Причем, анализ ведется на максимально абстрактном уровне. Например, в известной работе Р. Фогеля дается критическая оценка «предположения, согласно которому железные дороги были необходимы для роста американской экономики в XIX в.»¹². Для этого историк создал «модель возможных перевозок в США на 1890 г., которая существовала бы... в случае отсутствия железных дорог»¹³. Иные факторы, кроме непосредственно связанных с изменяемым параметром, Фогеля почти не интересовали.

Другой вид моделей — событийно-факторные. Здесь прослеживается корреляция между каким-либо политическим событием и изменением абстрактного параметра (фактора) социальной системы.

Одним из первых попытку идти таким путем предпринял Н.Г. Чернышевский. В 70-е гг. XIX в. он рассуждал «о том, что произошло бы в России, если бы добрый царь против воли дворянства отдал (в 1861 г. — *В. Н.*) всю землю крестьянам»¹⁴. С одной стороны, на данную тему философ создал целую «социальную фантазию» (сценарий), моделируя ситуацию по типу «что могло бы быть, если?». С другой стороны, Чернышевский остановился перед невозможностью познать множество вариантов прошлого: «Дальше не знаю; задача неопределенная, допускающая много разных решений...»¹⁵. Его агностицизм был вызван отсутствием необходимой методологии, которая появилась позднее.

В настоящее время Л. Бородкин удаляет из истории России начала XX в. реформы П. Столыпина и строит соответствующий сценарий. Логика рассуждений ученого такова: что случилось бы, «если бы она не проводилась? ... Как шел бы (исторический. — *В. Н.*) процесс без реформы, и тогда можно измерить эффект, полученный за счет преобразований»¹⁶. Значит, сначала удаляется событие, а потом на основе такой гипотезы создается абстрактная модель.

Классический пример данного типа моделей нашел отражение в работе Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте». Ученые исходили из предположения: что могло случиться, если бы рабство продолжало существовать в США до конца XIX в.? Руководствуясь подобной гипотезой, Р. Фогель и С. Энгерман установили, что в 1890 г. «цена рабов превышала бы существовавшую в 1860 г. ... на 60%»¹⁷. Эти «контрфактические» расчеты заставили историков признать парадоксальный «реальный» факт: «североамериканское рабство было чрезвычайно выгодной экономической системой. ... Оно являлось более эффективным, чем способ производства в северных штатах (США. — *В. Н.*), основанный на свободном труде»¹⁸. Такое предположение Фогеля и Энгермана, выступающее как конкретизация созданной ими альтернативы, изменило представления некоторых специалистов об эффективности рабского и «свободного» труда.

Обратим внимание на логику рассуждений ученых, которая носит конкретный характер. Если Фогель просто исходил из того, что железных дорог в США XIX в. не было, то в совместной работе с Энгерманом предпосылки анализа иные, учитыва-

ющие событийную сторону дела. Рабство в данной стране могло существовать до 1890 г. в двух случаях: а) Гражданская война 1861–1865 гг. вообще не началась (удаление события); б) ее выиграли «южане» (изменение исхода реального события). Фогель и Энгерман остановились на первом варианте, что облегчало им задачу: модель требовалось строить без учета издержек на восстановление экономики после конфликта. В 2005 г. (через 30 лет после книги Фогеля и Энгермана) вышла работа Р. Рэнсома «Конфедеративные штаты Америки: Что могло бы быть?», где подробно рассматривается экономическое развитие «США» после «ничьей» в гражданской войне: признанием Севером независимости Южных штатов. Следовательно, в историко-экономических исследованиях налицо корреляция политического события и экономических факторов. Причем, первое гораздо важнее второго, ибо выступает предпосылкой анализа.

Факторные и событийно-факторные контрфактические модели, используемые в историко-экономических исследованиях, подвергаются критике со стороны различных историков. Если обобщить направленные против них аргументы, то последние целесообразно изложить в следующих тезисах.

1. Сведение поведения людей к «рациональной мотивации» их поступков, «вроде максимизации прибыли и минимизации доходов»¹⁹. Потребители же часто проявляют иррациональные предпочтения: покупают более дорогие товары из «патриотических» соображений или улучшают условия труда (повышают зарплату) рабочих — из патерналистских. Любая же контрфактическая историческая модель обязательно тяготеет к «идеальному типу» в духе М. Вебера.

2. В рамках создаваемых в историко-экономических исследованиях моделей упрощается реальность, так как игнорируются другие факторы: культурные, социальные и т.д. Например, авторы работы «Время на кресте» забывают, что перестройка нравственного (ментального) отношения хозяев к рабам заняла бы длительный период. Автоматической зависимости «редкость, удорожание товара — бережное отношение к нему» не произошло бы. Так, в Бразилии, где рабство отменили в 1889 г. указанные Фогелем и Энгерманом трудности (уменьшение количества «говорящих орудий») не привели к быстрому улучшению положе-

ния рабов. Даже реальная отмена рабства в США потребовала еще почти столетие, чтобы потомки рабов получили не только юридические, но и реальные гражданские права. Как долго бы продолжался данный процесс в условиях сохранения рабства?

3. В контрфактических моделях экономических процессов отсутствует критерий дифференциации факторов на важные и второстепенные. Значит, рассуждает Д. Тош, учесть все связанные с изменяемым параметром «изменения других переменных, прямые и косвенные, практически невозможно; все их рассчитать нельзя»²⁰. Следовательно, речь идет о произволе ученого, строящего подобный сценарий.

4. Не ясен способ проверки контрфактических историко-экономических моделей. Одни их критики мягко утверждают: «Никто не знает, как реагировала бы реальная экономическая жизнь на отсутствие железных дорог (в США — В. Н.), как повели бы себя правящие круги, промышленное и сельскохозяйственное лобби. И почему, собственно, в Америке могло не быть железных дорог, которые строились во всем мире?»²¹. Другие — прямо заявляют: созданная Фогелем гипотетическая картина американской экономики 1890 г. «по определению не поддается проверке»²².

Чтобы нейтрализовать подобную критику контрфактических историко-экономических исследований существует ряд путей. Прежде всего, необходим переход от историко-математических моделей к сценариям. Его методологическим основанием может служить концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Данный объект имеет «твердое ядро» (константные положения) и состоящий из гипотез «защитный пояс». Последний «должен выдержать главный удар со стороны проверок; защищая таким образом заостреннее ядро, он должен ... перестраиваться или ... заменяться, если того требуют интересы обороны»²³.

В нашем случае роль «ядра» сценария играют математически обоснованные на базе модели положения, а «защитного пояса» — описания потенциального прошлого, задающие конкретные условия его реализации. Причем, элементы «защитного пояса» могут создаваться по «рецепту» Р. Рэнсома: «две части исторического правдоподобия на одну часть здравого смысла и одну часть воображения». Затем — совершенствоваться под влиянием критики. Например, можно вслед за Р. Алленом разра-

ботать модель «долгого НЭПа» в России (продолжавшегося до 1939 г.). Однако следует указать политические условия: при каком руководстве СССР она возможна. На необходимость такого допущения уже указывали отечественные ученые. В. Шмелев и Н. Попов утверждают: если бы в первые годы «нэпа ... мы тогда не остановились только на экономических реформах, а пошли дальше, по пути демократических политических преобразований... — убеждены, никогда бюрократический аппарат не смог бы захватить власть и свернуть нэп»²⁴.

В модели продолжительного НЭПа Харриса-Тодаро предприятия в СССР выплачивают фиксированную заработную плату и увеличивают численность занятых, пока предельная производительность труда не сравняется с этой зарплатой. Проблема в том, что советское руководство 30-х гг. даже в «мягком обличье» Н. Бухарина не пошло бы на столь радикальное внедрение капиталистических отношений. Кроме того, при таком развитии событий СССР не смог бы избежать отрицательных последствий Великой Депрессии 1929–1933 гг.

Следовательно, переход от моделей к сценариям задаст условия их реализации на практике, снимет упреки в ирреальности историко-экономических исследований со стороны историков.

Кроме того, современные контрфактические модели историко-экономических исследований, как справедливо отмечают Тош и другие ученые, учитывают только несколько из ряда важнейших переменных. Однако проблема еще шире. У каждого фактора в истории есть собственный, определенный, специфический период действия. Ряд из них представлен в таблице²⁵.

В рамках контрфактических историко-экономических моделей продолжительность действия фактора преувеличивается. Часто имеет место его неоправданная экстраполяция в будущее. Так, Фогель «продлил» отсутствие железных дорог в США до ... 1890 г. «Его расчеты показали, что общественная экономия от строительства железных дорог могла составить менее 5% стоимости совокупного общественного продукта США в 1890 г.». Из такого анализа Фогель сделал парадоксальный вывод: «хотя железные дороги и сыграли важную роль в экономическом развитии Соединенных Штатов, их строительство едва ли можно назвать революцией в экономической жизни страны»²⁶. Но

оправдана ли столь долгая оттяжка их создания? Ведь продолжительность действия инновации 10–15 лет. Соответственно, эффективность данного вида транспорта стала бы очевидна к 70-м гг. XIX в. Значит, к 1890 г. железные дороги не только бы построили, но они смогли бы внести более существенный вклад в экономику страны.

***Факторы исторического процесса
и продолжительность их действия***

№	Фактор	Продолжительность действия фактора
1	Этногенез, рождение новых идеологий, религий	сотни лет
2	Изменение соотношения сил государств	20–25 лет
3	Технологические нововведения (инновации)	10–15 лет
4	Изменение уровня образования	5–10 лет
5	Экономические реформы	3–5 лет
6	Изменение стереотипов массового поведения под влиянием СМИ	1–3 года
7	Приход к власти харизматических лидеров	месяцы–годы
8	Решения политического руководства	недели–месяцы
9	Катастрофы, стихийные бедствия, вооруженные конфликты	дни–недели
10	Погодные условия	часы–дни

Данный (30 лет) период отводят Фогель и Энгерман в другом контрфактическом историко-экономическом сценарии на демонстрацию рентабельности плантаторского хозяйства южных штатов США. Отдельные отечественные ученые полагают, что для обоснования эффективности подобных моделей надо рассматривать еще более длительные сроки их возможной реализации. «Например, в России в результате реформ П. Столыпина значительно возросло сельскохозяйственное производство, и можно предположить, каким бы оказалось... это производство через 30–50 лет, если бы не революция и политическая гибель империи»²⁷. По моему мнению, к данным событиям надо прибавить две мировые войны, Великую Депрессию и т.д.

Причины тяготения контрфактических историко-экономических моделей к реконструкции нереализовавшихся процессов именно на длительных интервалах понятны. Это — общая тен-

денция в экономической теории, где на таком временном отрезке устанавливаются различные циклы. Н. Кондратьев установил наличие циклов в 45–60 лет, показывающих периодичность вытеснения доминирующих технологических укладов и ритмику экономической макроэволюции. С. Кузнец выявил циклы массового обновления фонда недвижимости — 15–20 лет. В России прослеживаются 20–25-летние циклы соответствия производительных сил производственным отношениям²⁸. Циклические колебания в социально-экономической среде объясняются ритмикой «технологических инноваций» (Й. Шумпетер), «технико-экономических парадигм» (С. Фримен), «технологических укладов» (С. Глазьев).

Более того, с циклами связываются экономические кризисы, порождаемые ими социальные события. Например, имевшая место через двадцать лет после предыдущей, стагнация в европейской промышленности 1847 г. (усугубленная неурожаем в сельском хозяйстве) привела к волне революций 1848 г. Она охватила обширную территорию: от Австро-Венгрии и Франции до нынешней Италии.

Однако, на мой взгляд, контрфактические историко-экономические модели должны сосредоточиться на временном отрезке порядка 5–10 лет. Во-первых, такова продолжительность действия базовых здесь факторов: экономических реформ, технологических нововведений, изменения уровня образования.

Во-вторых, идя данным путем, появляется возможность учесть наиболее вероятные изменения прошлого.

В-третьих, при этом подходе можно смело игнорировать различные флуктуации, т.е. случайные изменения в обществе. Как известно, «цивилизации возвышались и гибли из-за флуктуаций, связанных с политической властью и капризами фортуны на войне»²⁹. Чума в середине XIV в. унесла в Европе миллионы жизней, на несколько столетий замедлила прирост населения в данном регионе. Подобные флуктуации имели место не только в Средние века. В США между 1800 и 1860 гг. «рост эпидемических заболеваний ... был столь сильным, что один специалист по истории здравоохранения охарактеризовал это время как «период великих эпидемий»³⁰. Как уже указывалось, при моделировании последствий «долгого НЭПа» в СССР западные ученые

(Р. Аллен, М. Тодаро, Д. Харрис) игнорируют влияние на ситуацию Великой депрессии.

Следовательно, чем меньший период охватывает контрфактическая историко-экономическая модель, тем ниже вероятность проигнорировать какую-либо важную флуктуацию.

Создателям альтернативных историко-экономических моделей придется решать еще одну задачу — найти средства упорядочить параметры сценариев. Например, Ю. Бокарев ставит вопрос: могла ли политика «военного коммунизма» проводиться руководством большевиков в 20-е гг. XX в.? Для ответа на него историк сначала привлекает мнение В.И. Ленина: «Если бы 1920 год дал нам очень хороший урожай, или, по крайней мере, только хороший, если бы мы из 420-миллионной разверстки собрали 400 миллионов пудов, мы могли бы нашу промышленную программу выполнить большей частью, тогда у нас был бы известный фонд обмена городских промышленных продуктов на земледельческие. У нас получилось обратное»³¹. Следовательно, В. Ленин, анализируя политическую ситуацию в России, тоже строил свой контрфактический сценарий. Он делал это на базе ряда параметров, допущения положительной динамики развития вытекавших из них условий: 1) получение «хорошего урожая» (условие — 420 млн пудов хлеба); 2) его быстрая аккумуляция в руках государства (через продрозверстку); 3) продолжение нормированного распределения топливных ресурсов. В действительности эти условия не реализовались на практике. В результате пришлось вводить НЭП. Но следует поставить вопрос: правильно ли выбран Лениным порядок рассмотрения параметров и условий, чтобы сделать из них вывод о возможности сохранения политики «военного коммунизма» в случае получения в 1920 г. страной «хорошего урожая»?

Ю. Бокарев пытался ответить на него, создав собственный сценарий. Он тоже начинает анализ с проблемы: могла ли командно-административная система сохраниться и в 1921 г. «в случае хорошего урожая, выполнения плана продрозверстки и отсутствия топливного кризиса»³²? Рассматривая эти предложенные Лениным параметры, Бокарев считает, что они являются недостаточными для создания близкого к исторической истине, реального, объективного сценария. Ученый дополняет их рядом

других: «открытое недовольство крестьян и средних городских слоев существующей хозяйственной политикой». Кроме того, «не следует забывать, что оценка экономической ситуации производится людьми — и от них же исходят принимаемые политические решения». Значит, описание потенциального прошлого должно включать в качестве необходимого элемента степень осознанности высшим руководством страны (а не только одним ее руководителем) необходимости «крутой ломки сложившейся хозяйственной системы к 1921 г.».

Однако связать данные параметры контрфактического сценария в упорядоченное целое Ю. Бокарев не смог. Он не нашел их нужной последовательности. У него нет для этого методологии, принципов дифференциации элементов сценария. Пытаясь преодолеть этот недостаток, историк обращается к математическому моделированию, которое должно помочь рассчитать конкретные, порождаемые каждым параметром, условия. На данном пути выяснилось, что «невозможно правильно оценить все множество взаимосвязей, складывающихся в народном хозяйстве, определить их эволюцию. Поэтому мы вынуждены обратиться к количественным методам»³³. Такой подход приводит к тому, что Бокарев неизбежно терпит фиаско. Данные методы, конечно, позволяют создать определенную контрфактическую модель. Она показывает, что «в случае функционирования безденежной системы к концу 20-х гг. экономика стабилизировалась бы в застойном состоянии»³⁴. Однако такая «модель не выходит за пределы макроэкономических тенденций в область конкретной событийной истории»³⁵. Значит, построить на ее основе многоаспектный контрфактический сценарий нельзя. Задача, которую Бокарев ставил в начале исследования, не решена. Главная причина — отсутствие научно обоснованных принципов, упорядочивающих характер связи элементов сценария. Без четкого алгоритма, строгой последовательности элементов сценария, любые количественные выкладки не дадут достоверного результата.

Ученым, работающим в рамках альтернативных историко-экономических моделей, придется учесть еще один параметр — роль личности, которая могла положительно или отрицательно сказаться на степени реализации их построений. Данную проблему ставил в XIX в. Д. Писарев: «...Если бы Людовик XVI ...

понимал глубину революционного движения, если бы он предвидел, как она (революция. — *В. Н.*) разыграется, если бы он... мог поступать твердо и решительно, то он гораздо раньше 1789 года отыскал и поддержал бы людей, подобных Тюрго, и повел бы необходимые реформы мирным путем, осторожно, последовательно, но без уклончивости, без уступок старине и без боязни перед новыми идеями. Реформа была необходима и неизбежна, но сам Людовик ... мог примкнуть к той или иной стороне; если бы он примкнул к партии будущего..., тогда его личная судьба во многом бы изменилась, и внешние формы французской революции также испытали бы многие изменения, но прочные результаты всего движения оказались бы совершенно такими же, какими мы их видим теперь... Прочными результатами я называю... экономические и социальные преобразования»³⁶. Следовательно, субъективный фактор (параметр) — король Людовик XVI, «понимающий» необходимость реформ во Франции XVIII в., позволяет построить иную модель ее социально-экономического развития.

Важность учета роли личности при создании альтернативных историко-экономических моделей сохраняется и для современных ученых. Подобный подход позволяет проводить проверку степени реальность контрфактических сценариев. Более того, вносит в такой анализ элемент историзма. Ведь, как отмечал Г. Малинецкий, «во множестве исторических ситуаций решающими оказывались неэкономические факторы»³⁷.

Рассмотрим один пример. В 1998 г. известный экономист Н. Петраков утверждал: «Сразу после августа 1991 г. ... Ельцин получил карт-бланш на любые экономические и политические преобразования. Раздача земли могла бы стать «украшением» ельцинских реформ. Крестьянам нужен был ... конкретно закрепленный в их частную собственность земельный участок... Это были бы действительно миллионы реальных собственников»³⁸.

Ученый, подобный Фогелю и Энгерману, сразу стал бы создавать альтернативную количественную модель последствий таких действий Б. Ельцина. Однако вопрос следует поставить и в другом ключе: мог ли Президент РФ следовать подобным «советам Петракова» не «вообще», а в конкретных условиях? На мой взгляд, «свобода» Б. Ельцина в принятии решений в конце 1991 г. являлась минимальной, никаких «альтернатив» он не видел. Во-

первых, отсутствовала какая-либо четкая программа экономических преобразований, порядок их проведения был данному властному лицу неведом. Во-вторых, реально выбор Президента делался субъективно, по политическим взглядам: соответствующих им экономистов он приближал к себе. В-третьих, уровень экономических знаний данной личности был крайне низким. Ельцин, по его признанию, сделанному десять лет спустя, сводил экономические реформы к следующим мероприятиям: 1) отпустить цены; 2) создать частную собственность. Дальше начинался знакомый по партийной работе волюнтаризм. Вводить рынок надо «сильно, жестко, как приказали сажать картошку при Петре I. ... Делать это нужно ... во что бы то ни стало — пусть даже с ошибками, под свист недовольных создавать класс собственников»³⁹. Однако чтобы вводить нечто «жестко», надо знать, как это делать (подобно немецкому канцлеру 60-х гг. К. Аденауэру). Ельцина же «детали» экономических реформ не интересовали. Они отдавались на откуп правительству Е. Гайдара. Следовательно, отсутствие программы преобразований и необходимых знаний у лиц, принимающих ответственные политические решения, не позволяло реализовать на практике предложенную Н. Петраковым альтернативу. Впрочем, ее количественный, «клиометрический», анализ, тоже может оказаться полезным.

Итак, существующие в историко-экономических исследованиях альтернативные модели необходимо рассматривать как научно-исследовательские программы. Их «ядро» должны составлять базовые, математически обоснованные положения (предположения), а «защитный пояс» — доказательства реальности воплощения данной ситуации на практике. Тем самым данные модели (как у Р. Рэнсома) приобретут статус «контрфактических сценариев прошлого», что снимет с них часть критики со стороны «историков-конкретников». Важно не допускать бесконечной экстраполяции периода действия какого-либо фактора, ограничиваясь малыми сроками его реализации в действительности. Требуется найти и средства упорядочить параметры в альтернативных моделях социально-экономических процессов. Целесообразно не забывать при их создании и о роли личности в истории, которая могла серьезно повлиять на воплощение в жизнь данной возможности. Преобразованные в таком направлении контрфактические исто-

рико-экономические исследования станут (наряду с исторической наукой, философией истории и иными гуманитарными дисциплинами) мощным средством познания прошлого.

Примечания

¹ Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования: генезис, методология. М., 2006. 176 с.

² Егоров В.К. История в нашей жизни. М., 1990. С. 6.

³ См.: Нехамкин В. Сослагательное наклонение в историческом познании // Вестник РАН. 2006. № 2. С. 138.

⁴ Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 609.

⁵ А что, если бы? Альтернативная история. М.; СПб., 2002. С. 300.

⁶ См.: Нехамкин В.А. Альтернативы прошлого в философии истории: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008. С. 14.

⁷ Шидер Т. Различие между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970. С. 4.

⁸ См.: Нехамкин В.А. Альтернативы прошлого в философии истории... С. 16.

⁹ Там же. С. 19–21.

¹⁰ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 233.

¹¹ Там же. С. 234.

¹² Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. -Baltimore: The John Hopkins Univ. Press, 1964. P. 10.

¹³ Цит. по: Миронов Б., Степанов З. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). Л., 1975. С. 56.

¹⁴ Аникин А.В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 279–280.

¹⁵ Там же. С. 280.

¹⁶ Цит. по: Возможны ли математические модели истории? «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 112.

¹⁷ Fogel R., Engerman S. The Economic of Slavery // The Reinterpretation of American Economic History. London: Harper and Row, Publishers, 1971. P. 312.

¹⁸ Ладюри Э. Застывшая история // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 158–159.

¹⁹ Тош Д. Указ. соч. С. 235.

²⁰ Там же. С. 236.

²¹ Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 76–77.

- ²² Тош Д. Указ. соч. 236.
- ²³ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 80–81.
- ²⁴ Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития? // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 323.
- ²⁵ Составлено по: Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997. С. 81.
- ²⁶ Цит. по: Миронов Б., Степанов З. Указ. соч. С. 56.
- ²⁷ Хвостова К.В. Указ. соч. С. 77.
- ²⁸ См.: Философия власти. М., 1993. С. 260.
- ²⁹ Stone L. *The Past and the Present*. Boston-London: Routledge and Keagan, 1981. P. 81.
- ³⁰ Fogel R. W. *Nutrition and the Decline in Morality since 1700* // Long — Term Factors in American Economic Growth. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1992. P. 502.
- ³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 303.
- ³² Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 150–151.
- ³³ Там же. С. 151.
- ³⁴ Бочаров А. Идея альтернативности исторического развития в отечественной историографии // История мысли. Русская мыслительная традиция. М., 2003. Вып. 2. С. 159.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Писарев Д.И. Исторические эскизы. Избранные статьи. М., 1989. С. 333–334.
- ³⁷ Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Указ. соч. С. 103.
- ³⁸ Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 263.
- ³⁹ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 102.